

ЕКАТЕРИНА СТЕПАНОВА

ГОСУДАРСТВО И ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ*

В современной научной литературе существует множество определений понятия «вооруженный конфликт». Однако многие из них либо носят абстрактно-теоретический характер, либо охватывают лишь определенные типы конфликтов. Необходимо более четкое «техническое» определение. Оно, возможно, и не охватит всех содержательных тонкостей того или иного вида вооруженных конфликтов, но сможет охватить максимально широкий их спектр. Такое определение особенно необходимо с учетом устойчивой тенденции к стандартизации методологии построения крупнейших мировых баз данных по конфликтам, которые с готовностью сверяют между собой данные и используют методологические разработки друг друга.

Этим требованиям отвечает утилитарное, но широкое определение вооруженного конфликта, лежащее в основе базы данных по конфликтам Уппсальского университета (Швеция). Его активно используют другие ведущие исследовательские центры, включая основного конкурента Уппсальской программы – Центра по международному развитию и урегулированию конфликтов Мэрилендского университета (США).

Специалисты Уппсальского университета определяют вооруженный конфликт как *«противоречие по поводу власти или территории, которые оспариваются пу-*

*тем применения вооруженной силы военными формированиями как минимум двух противоборствующих сторон, в результате чего погибло по меньшей мере 25 человек»*¹. Если в противостоянии хотя бы с одной стороны участвуют правительственные вооруженные силы, оно считается *«конфликтом с участием государства»*. Если государство не является ни одной из противоборствующих сторон, то конфликт считается *«негосударственным»*.

При этом «войной» может считаться лишь относительно масштабный и интенсивный конфликт – вооруженное противостояние, которое напрямую привело к гибели как минимум 1000 человек в течение года (непосредственных участников военных действий – комбатантов – и гражданских лиц, погибших, например, в результате перекрестного огня, то есть в результате военных действий между комбатантами).

Такое определение конфликта и войны носит прикладной характер и приспособлено прежде всего для нужд сбора информации об основных параметрах вооруженных конфликтов. Но за последние два десятилетия смысл понятия «вооруженный конфликт» изменился. Нынешние «войны» в Афганистане, Ираке, Судане или на Шри-Ланке даже по количественным показателям не идут ни в какое сравнение с такими масштабными конвенционными войнами послевоенного периода, как, на-

---

* Статья подготовлена в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда № 06-03-02073а «Гуманитарное реагирование и участие в операциях по восстановлению мира как средства гуманизации образа России в современном мире».

пример, войны в Корею (1950–1953), во Вьетнаме (1955–1975) или ирано-иракская война (1980–1988). Поэтому подобное утилитарное определение только отчасти адаптировано к ряду принципиальных изменений в характере современных вооруженных конфликтов.

Эти подвижки выступают частью более широкого процесса – изменения понятия «безопасности» как таковой. Речь идет о его постепенной эволюции – от более традиционного и военизированного понятия «национальной безопасности» (в центре которого находится безопасность государства) к понятию «гуманитарной безопасности», или «безопасности человека» (human security). В центре понятия «гуманитарная безопасность» лежит более широкий спектр вызовов, в том числе невоенных: угроз безопасности индивидуума, гражданского населения и общества в целом. Данная статья посвящена тем из угроз «гуманитарной безопасности», которые связаны с вооруженным насилием в ходе современных конфликтов.

1

Существуют два основных методологических подхода к изучению современных конфликтов и войн в глобальном масштабе. Первый базируется на сборе и анализе информации о параметрах вооруженных конфликтов с упором на количественные, исчисляемые показатели. Именно на основе этого технико-эмпирического подхода созданы современные базы данных по конфликтам. Второй изначально нацелен на качественный анализ форм вооруженного насилия и изменений в характере современных конфликтов. Именно второй подход, учитывающий количественные показатели, но не абсолютизирующий их значение, дал науке большинство теоретико-аналитических разработок, оценок современных конфликтов и глубинных исследований конкретных конфликтов в тех или иных регионах мира.

Ряд исследовательских центров принимают попытки объединить оба подхода к изучению вооруженных конфлик-

тов. Но в целом количественно-ориентированный подход, жестко привязанный к базам данным, и качественный, глубинно-ориентированный контекстный и/или теоретико-аналитический анализ современных конфликтов пока, скорее, разъединены (хотя каждый из них вносит свой вклад в изучение современных конфликтов).

Тенденции, которые позволяют зафиксировать первый, количественно-ориентированный, подход, можно обобщить как устойчивое снижение числа и интенсивности войн и иных типов вооруженных конфликтов на рубеже XX–XXI веков. У этого подхода, однако, есть объективное ограничение – «защикленность» на мониторинге, а не на аналитическом объяснении рассматриваемых тенденций («много данных – мало анализа»). Для отслеживания тенденций в развитии конфликтов необходимо фиксировать их параметры в соответствии с четко установленной методологией и понятийным аппаратом в течение длительного времени – как минимум, десятилетия.

При этом устойчивость методологии играет особую роль, позволяя лишь изредка вносить в нее определенные корректировки. Обратной стороной выступает негибкий характер большинства баз данных, которые очень медленно адаптируют свою методологию к быстро меняющимся реалиям. Иными словами, характер современных конфликтов меняется гораздо быстрее, чем система их категоризации и учета в соответствующих базах данных. Последние зачастую продолжают «оценивать» устаревшие параметры и типы вооруженных конфликтов, тогда как новые, набирающие силу или даже доминирующие формы и тенденции вооруженного насилия остаются вне учета. К тому же методологии различных мировых баз данных по вооруженным конфликтам могут существенно различаться. Поэтому в этой статье будут использованы данные различных источников этого типа.

С 1946 г. по 2006 г. в мире произошли 232 вооруженных конфликта в 148 зонах². Хотя территориально большинство этих

конфликтов пришлось на менее развитые и развивающиеся регионы мира (см. рис. 1), по числу международных конфликтов, в которых принимала участие та или иная страна, лидируют развитые государства. Наиболее «воинственными» государствами оказались Соединенное Королевство (Великобритания) и Франция, участвовавшие, соответственно, в 21 и 19 конфликтах. Это закономерно, если учесть, что обе страны на протяжении значительной части послевоенного периода оставались колониальными державами и вели вооруженную борьбу с национально-освободительными движениями. На третьем месте находится США, а на четвертом – СССР (Россия), но лишь при условии, что СССР и Российская Федерация рассматриваются как одно и то же государство. Затем следуют Австралия, Нидерланды и Израиль, и только восьмое и десятое место занимают Египет и Китай. По числу лет, в течение которых страна была вовлечена в вооруженные конфликты, абсолютным лидером является Израиль³.

Показателен тот факт, что более половины общего числа конфликтов за послевоенный период произошли после окончания «холодной войны». Иными словами, на более длительный период «холодной войны» пришлось меньшее число конфликтов (которые, впрочем, включали достаточно крупные войны – напри-

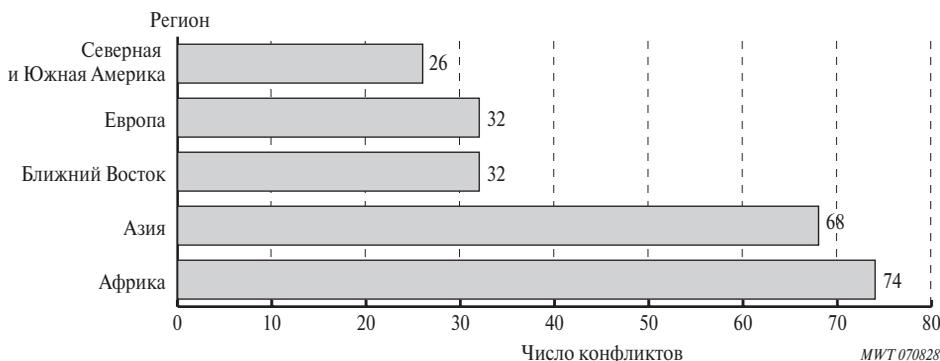
мер в Корее и Вьетнаме). Налицо определенный сдерживающий потенциал биполярной системы, которая препятствовала распространению многих локальных конфликтов и резкому росту их числа.

Однако тот факт, что количество конфликтов с начала 1990-х годов превышает число конфликтов за предыдущие десятилетия, еще ничего не говорит о динамике развития конфликтного потенциала после «холодной войны». А она состоит в устойчивом и значительном сокращении числа вооруженных конфликтов с участием государств. Конфликты этого типа достигли своего пика в 1991–1992 годах, когда их число равнялось 52, но в середине 2000-х годов их число снизилось до трех десятков. Впрочем, этим изменения в характере современных конфликтов с начала 1990-х годов не ограничились.

Во-первых, в характере конфликтов наблюдался дальнейший отход от крупных войн (например, в 2006 г. было зафиксировано лишь 3 «войны» – в Афганистане, Ираке и на Шри-Ланке). Даже вооруженное противостояние между Израилем и ливанской группировкой «Хизбалла» не превысило «порогового» уровня в 1000 убитых непосредственно в ходе военных действий, необходимого для квалификации конфликта как полноценной «войны».

Во-вторых, в мире почти не осталось межгосударственных вооруженных кон-

Рисунок 1.
Число вооруженных конфликтов по регионам (1949–2006)

Источник: Программа данных по вооруженным конфликтам, Уппсальский университет.

фликтов. Большая часть конфликтов после окончания Второй мировой войны носили внутрисударственный, а не межгосударственный характер (см. расчеты двух разных баз данных, демонстрирующих одни и те же тенденции, на рис. 2–3). Но те немногие межгосударственные кон-

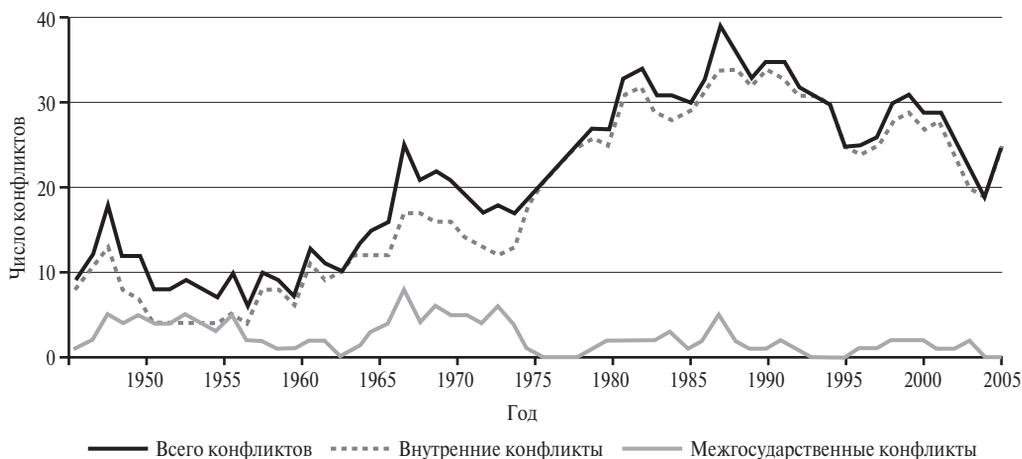
венционные войны, которые все-таки имели место, были наиболее смертоносными и разрушительными (так, войны в Корее, Вьетнаме и между Ираном и Ираком привели к гибели более 1 млн. человек каждая). Однако за последнее десятилетие 95% всех конфликтов с участием

Рисунок 2.
Типы вооруженных конфликтов (1946–2006)

Источник: Программа данных по вооруженным конфликтам, Уппсальский университет.

Рисунок 3.
Типы вооруженных конфликтов (1945–2005)

Источник: Центр международного развития и регулирования конфликтов Мэрилендского университета.

государства носили внутрисоциальный характер (что, правда, не означает, что эти конфликты не могут быть интернационализированы).

За последнее десятилетие строго межгосударственный характер носили лишь конфликт между Эритреей и Эфиопией (1998–2000), пограничные столкновения между Индией и Пакистаном (1997–2003) и военная операция США и их союзников против саддамовского Ирака (2003). Даже конфликт вокруг Косова между НАТО и Югославией был связан с внутрисоциальным противостоянием между Белградом и косовскими албанцами. Начиная с 2004 года в мире не было зафиксировано ни одного межгосударственного конфликта.

В-третьих, внимание к участникам вооруженных конфликтов все больше смещается от государства к негосударственным игрокам. Подсчет числа негосударственных конфликтов с начала 2000-х годов — вооруженного противостояния между негосударственными игроками без прямого участия государства как одной из сторон — показывает, что оно почти в два раза превышает число конфликтов с участием государства. Например, в 2002 г. в мире насчитывалось 34 конфликта с участием государства и 66 негосударственных конфликтов. В 2003 г. это соотношение составляло 30 к 59 в пользу негосударственных конфликтов⁴.

В-четвертых, на первый план выходят два типа современных конфликтов. Прежде всего, это внутрисоциальные конфликты: затяжные «гражданские войны» относительно невысокой интенсивности, в которых противоборствующие стороны стремятся избежать фронтальных столкновений и битв и нападают в основном на гражданское население, которое рассматривается как база поддержки противника. Другой тип конфликтов, которые встречаются реже, но гораздо интенсивнее и скоротечнее, — это так называемые асимметричные войны. Они ведутся между вооруженными силами ведущих, наиболее развитых стран мира и несравнимо более слабым

государственным или негосударственным противником. К такому типу конфликтов относились военная операция НАТО против Югославии (1999), интервенция коалиции во главе с США в Афганистане (2001), вторжение Соединенных Штатов и их союзников в Ирак (2003). Конфликты этих двух типов часто взаимосвязаны или следуют один за другим: асимметричная война НАТО против Югославии была связана с внутрисоциальным конфликтом сепаратистского типа в Косове, а интервенция США в Ираке спровоцировала долгосрочный внутренний конфликт в этой стране, основу которого продолжает составлять сопротивление оккупационным силам.

В-пятых, изменения в характере вооруженного противостояния (отход от крупных обычных межгосударственных войн и преобладание внутрисоциальных и асимметричных конфликтов) не могли не отразиться на структуре людских потерь в ходе военных действий. До 90% (!) погибших и раненых в современных конфликтах составляют не вооруженные комбатанты, а *гражданские лица*. Хотя этот высокий процент часто сравнивают с гораздо меньшей долей потерь среди гражданского населения в ходе двух мировых войн XX века (15% и 50% соответственно), такое сравнение не вполне корректно, так как сравниваются конфликты разных типов. С одной стороны, крупные межгосударственные (межблоковые) в основном конвенционные войны с участием массовых армий. С другой — современные «гражданские войны», в которых даже комбатанты предпочитают атаковать прежде всего гражданское население. Корректнее было бы, например, сравнить современные внутрисоциальные конфликты с гражданскими войнами XX века в России (1918–1922), Испании (1936–1939), колумбийской «виоленсией» (1954–1962) или антиколониальными конфликтами вроде борьбы за независимость Алжира (1954–1962). В этих конфликтах доля жертв среди гражданского населения всегда превышала потери среди комбатантов.

В-шестых, значительная часть вооруженного насилия в рамках современных конфликтов (даже если не брать в расчет криминальное насилие, которое часто усиливается в таких условиях) менее интенсивна и более локализована, чем основное противостояние. Это насилие может даже вообще не подпадать под определение конфликта как такового (противоборства как минимум двух сторон). Одностороннее целенаправленное вооруженное насилие против гражданского населения следует отграничивать от потерь среди гражданских лиц непосредственно в ходе военных действий между комбатантами. Вместе с тем этот тип насилия менее распространен в зонах конфликтов, чем противостояние между вооруженными сторонами. 99% одностороннего насилия против гражданских лиц осуществляется в зонах вооруженных конфликтов. Но само по себе это конфликтом считаться не может, так как гражданские лица не вооружены, не способны себя адекватно защитить, а следовательно, не могут считаться стороной в вооруженном противостоянии⁵.

В-седьмых, продолжают возникать новые типы и формы вооруженных конфликтов. Например, противостояние между Израилем и ливанским движением «Хизбалла» в 2006 г. не подпадает ни под один из основных типов конфликтов с точки зрения состава и уровня участников, так как не является ни внутригосударственным, ни межгосударственным противостоянием в чистом виде. Известно, что правительство Ливана не объявляло войну Израилю и правительственные силы не участвовали в военных действиях.

Налицо конфликт между государством и вооруженной группировкой, являющейся крупнейшим и наиболее массовым социально-политически-религиозным движением в соседнем государстве – Ливане. Налицо и новые виды противоречий, по которым может разгореться противостояние: вооруженный конфликт между Израилем и «Хизбаллой», строго говоря, не подпадает под категорию кон-

фликта за территорию (территориальные претензии не были основным мотивом ни для одной из сторон) или за власть внутри государства (классической «гражданской войны»). Такой конфликт можно было бы, например, квалифицировать как «внегосударственный».

Этот же термин, но уже на более высоком транснациональном уровне, можно применить к противостоянию между, с одной стороны, США и их союзниками, а с другой – негосударственной сетью «Аль-Каиды» и ячейкам более широкого и размытого транснационального радикально-исламистского движения (которое вдохновлено примером «Аль-Каиды» и руководствуется ее идеологией, но не обязательно поддерживает с ней прямые контакты). В этом транснациональном «внесистемном» конфликте вооруженное противостояние не привязано к какой-либо конкретной территории. Акции транснациональных радикальных исламистов и американская «война с терроризмом» могут вестись в любых регионах мира.

2

Стоит более детально проанализировать и классифицировать некоторые из перечисленных тенденций, которые обычно характеризуются как позитивные или негативные. В данном случае уместнее подразделить их на тенденции и угрозы безопасности более традиционного типа и на вызовы нового типа. В последние годы многие из традиционных угроз безопасности, связанных с вооруженными конфликтами, либо преодолены, либо сошли на нет по мере трансформации самих конфликтов. Наиболее позитивные сдвиги связаны с общим снижением масштабов вооруженных конфликтов.

С начала 1990-х годов *снизилось общее число конфликтов с участием государства*. Это единственный тип конфликтов, по которым имеется полная статистика за этот период: за последние 17 лет число таких конфликтов уменьшилось на 40% (см. рис. 2–3 выше). Наиболее значительно снизилось число крупных войн, число

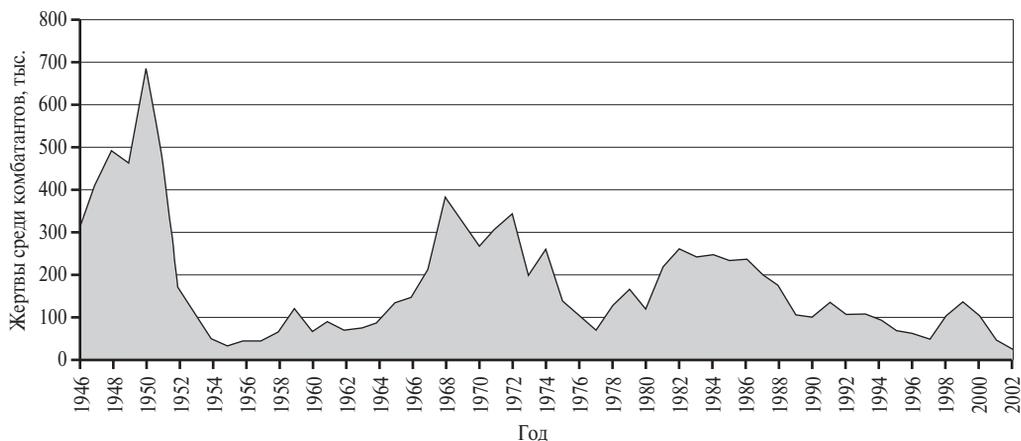
которых в середине 2000-х годов было самым низким за весь послевоенный период (за исключением нескольких лет в 1950-х годах). Отчетливо просматривается устойчивое снижение числа внутригосударственных конфликтов с начала 1990-х годов – при сохраняющемся абсолютном преобладании таких конфликтов над межгосударственными.

Эта тенденция резко контрастирует с предыдущим периодом 1946–1991 годов,

на протяжении которого число «гражданских войн» возросло в 12 раз. Этот самый резкий скачок за последние 200 лет во многом объяснялся подъемом антиколониальных национально-освободительных движений в тот период. Биполярная система, с одной стороны, способствовала определенной поляризации этих конфликтов. С другой стороны, она в целом помогала сохранить такие конфликты на уровне невысокой интенсивности.

Рисунок 4.

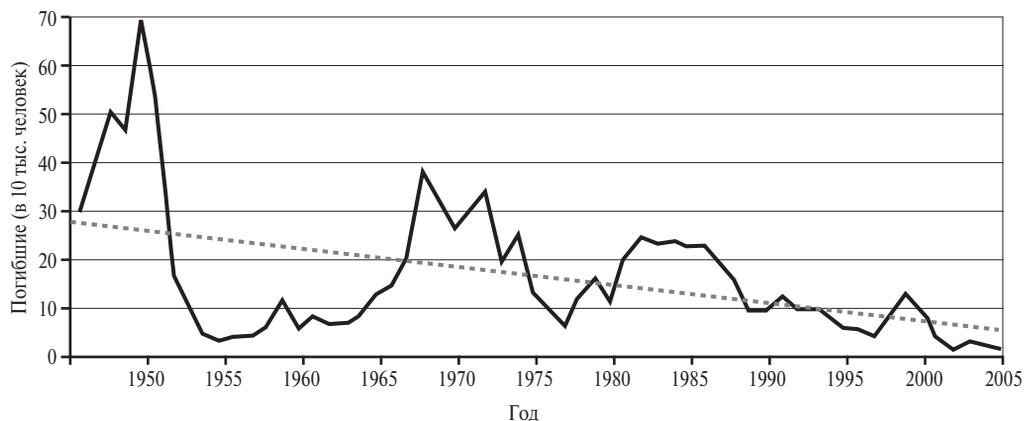
Число погибших в ходе военных действий в вооруженных конфликтах (1945–2005)

Источник: База данных, составленная Б.Ласиной (США) и Н.П. Гледитчем (Норвегия).

Рисунок 5.

Число погибших в ходе военных действий в вооруженных конфликтах, 1946–2005

Источник: Центр международного развития и регулирования конфликтов Мэрилендского университета (США).

За последние 20 лет *снизилось общее число потерь в живой силе, понесенных непосредственно в ходе военных действий*. В среднем их число продолжало снижаться на протяжении всего послевоенного периода (см. рис. 4–5, где представлены данные двух различных баз данных). Если, например, в 1950 г. в ходе военных действий погибло 700 тыс. человек, то в 2002 году – всего 20 тысяч. Такое снижение объясняется изменением характера вооруженной борьбы. В 1946–1991 годах в мире происходили в основном обычные войны «средней интенсивности», которые зачастую велись при поддержке одной или обеих сверхдержав в рамках биполярной системы. На смену им пришли внутренние, часто интернационализированные, конфликты в относительно бедных странах со слабой или нефункциональной государственной властью, которой противостоят, как правило, небольшие группировки, часто неплохо подготовленные и вооруженные. В таких конфликтах засады, небольшие стычки и одностороннее насилие против гражданских лиц преобладают над классическими боевыми столкновениями между комбатантами.

Наконец, начиная с 1980-х годов (после беспрецедентного скачка в 1981 г. на пике «холодной войны») снизилось число международных кризисов, которые могут создать условия для вооруженного противостояния.

З

Тем не менее на смену одним вызовам и угрозам, связанным с традиционными типами конфликтов, приходят другие. При этом количественные показатели совершенно недостаточны для создания полноценной картины происходящего: они должны быть дополнены качественным, в том числе контекстным и теоретическим, анализом. Этот подход также уделяет особое внимание как глубинным социально-политическим, социально-экономическим и социально-культурным причинам конфликтов, так и новым формам ведения

вооруженной борьбы и самим участникам конфликтов, состав которых также претерпевает значительные изменения. На первый план все больше выходят такие игроки, как криминальные (в том числе трансграничные) группировки, религиозные и квазирелигиозные движения, транснациональные сети. В последние годы все активнее идет процесс создания новых баз данных – в том числе по негосударственным конфликтам и одностороннему насилию против гражданского населения – которые подкрепляют выводы и гипотезы, выдвинутые в рамках качественного анализа. Основной вывод состоит в том, что вооруженное насилие в целом не столько снизилось (и тем более не сходит на нет), сколько постоянно меняет свои формы и содержание: от межгосударственных к внутрисосударственным конфликтам, от доминирования конфликтов с участием государства к преобладанию негосударственных конфликтов.

При этом ряд позитивных тенденций, связанных с угрозами, исходящими от вооруженных конфликтов более традиционного типа, имеют существенные ограничения. В 2004–2006 годах число конфликтов с участием государств прекратило снижение и стабилизировалось на уровне 32 конфликтов в год. В долгосрочном плане число стран, принимающих участие в вооруженных конфликтах, не снижается, а растет. Это неудивительно в условиях ускоренной интернационализации современных конфликтов. Доля стран, вовлеченных в тот или иной конфликт, сегодня выше, чем когда-либо за последние 60 лет (см. рис. 6). В последние два десятилетия новые вооруженные конфликты продолжали разгораться так же часто, как и в среднем за последние 60 лет.

Начиная с 1950-х годов общее число военных и гражданских потерь непосредственно в ходе военных действий снизилось. Однако оно в основном продиктовано динамикой всего лишь пяти крупных конфликтов, которые составляют не более 2% от общего числа конфликтов после 1946 года. Речь идет о гражданской войне

в Китае (1946–1949), войнах в Корее (1950–1953) и Вьетнаме (1955–1975), серии конфликтов в Афганистане (1978–2002) и ирано-иракской войне (1980–1988). В остальных 98% конфликтов снижения числа потерь среди комбатантов и гражданских лиц не наблюдалось. Общее снижение таких потерь за последние 60 лет означает, что наиболее тесно ассоциированный с ними тип вооруженного конфликта постепенно уходит в прошлое, а на смену ему приходят другие формы вооруженного противостояния.

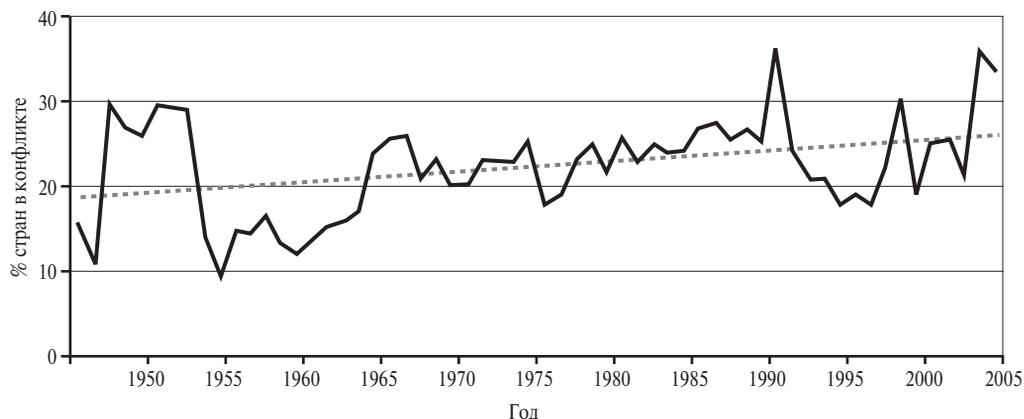
Сокращение числа конфликтов с участием государства в 1990-х – первой половине 2000-х годов принято объяснять успехом международных усилий по мирному урегулированию конфликтов⁶. Однако, несмотря на резкий рост международного сотрудничества в этой области, задача мирного разрешения конфликтов продолжает встречать серьезные трудности. Особенно противоречива динамика так называемых «мирных процессов», а их эффективность зачастую остается под вопросом. После окончания «холодной войны» в 1989 г. 144 мирных соглашения между конфликтующими сторонами были подписаны лишь в чуть более трети всех конфликтов (в 46 из 121). При этом 2/3 мирных соглашений, подписанных

в 1989–2005 годах, касались противоречий, связанных с разделом власти внутри государства, тогда как большая часть конфликтов касается территориальных вопросов. Около 40% стран, на территории которых велись конфликты и были подписаны мирные соглашения, впоследствии возвращались к вооруженному противостоянию.

Несмотря на снижение некоторых показателей военной активности, угрозы гуманитарной безопасности населения не снижаются, а по отдельным параметрам, возможно, и усиливаются. Общие людские потери от всех видов политического насилия оставались практически неизменными с начала 2000-х годов, когда они впервые стали учитываться в базах данных. Хотя те формы вооруженного насилия, которые не снижаются, а наоборот, находятся на подъеме – терроризм, межконфессиональное и другие формы межобщинного насилия – и являются менее смертоносными, чем, например, конвенционные войны, они в первую очередь направлены против гражданского населения. Не снижается и общий уровень нарушений прав человека в мире, в том числе с использованием насилия.

Положение беженцев и внутренне перемещенных лиц также не вызывает опти-

Рисунок 6.
Доля стран, вовлеченных в вооруженные конфликты (1946–2005)

Источник: Центр международного развития и регулирования конфликтов Мэрилендского университета (США).

мизма. Хотя число беженцев в мире несколько сократилось в начале 2000-х годов, в 2006 г. оно вновь возросло – впервые с 2002 года. Численность внутренне перемещенных лиц, резко возросшая во второй половине 1990-х годов, затем стабилизировалась, однако в последние два года вновь возросла в зонах вооруженных конфликтов (Ливане, Шри-Ланке, Тимор-Лешти, Центрально-Африканской Республике и Чаде)⁷.

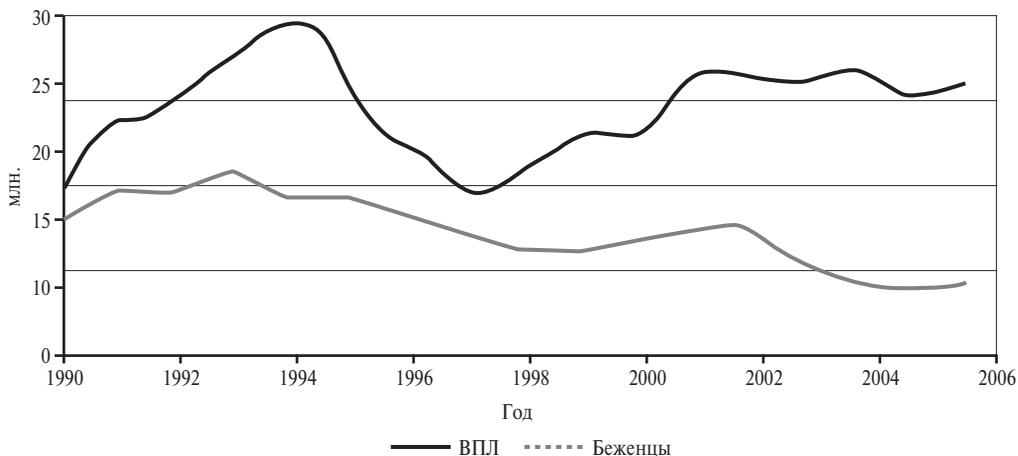
Более того, потоки беженцев не просто остаются «побочным эффектом» военных действий, а все чаще становятся одной из основных, прямых целей вооруженного насилия. Хотя в каком-то смысле переход людей на положение беженцев или внутренне перемещенных лиц способствует сокращению числа погибших (люди покидают места своего проживания именно с целью избежать физической гибели и насилия), если проблема перемещенных лиц носит массовый характер и хронически не решается, она может стать постоянным объектом и генератором нового насилия в будущем (как показывает пример 4,8 миллионов палестинских беженцев).

Среди современных участников вооруженных конфликтов на первый план

выходят не столько государства, сколько негосударственные игроки. Они противостоят государству или другим группировкам или участвуют в вооруженном противостоянии на стороне государства, но не обязательно им контролируемые. Численность людских потерь в негосударственных конфликтах обычно в 2–5 раз ниже, чем в конфликтах с участием государства. Но это еще не означает, что негосударственные конфликты менее смертоносны, так как негосударственное насилие в основном направлено против гражданского населения. Хотя действия государства в вооруженном конфликте (особенно связанного с борьбой за власть внутри государства) также способны привести к тяжелым потерям среди гражданского населения, в вооруженном противостоянии за контроль над территорией в среднем в 6 раз больше гражданских лиц гибнет от рук негосударственных группировок.

Из других тенденций, связанных с формами вооруженной борьбы, применяемой негосударственными игроками, отметим резкий рост террористической активности⁸. Последняя используется как тактика асимметричного противостояния как в локально-региональных вооружен-

Рисунок 7.
Число беженцев и внутренне перемещенных лиц в мире (1990–2006)

Источник: Центр международного развития и регулирования конфликтов Мэрилендского ун-та (США).

ных конфликтах, так и на транснациональном уровне. Особого внимания заслуживает тенденция к дальнейшей фрагментации насилия и диверсификации вооруженных негосударственных игроков в зонах вооруженных конфликтов, включая конфликты в Ираке после 2003 г. и в Дарфуре (Судан). Этот процесс сопровождается постепенным размыванием границ между различными формами насилия – такими, как асимметричный терроризм и симметричное межконфессиональное насилие, криминальное насилие во многих локальных контекстах.

Хотя такое насилие, как правило, активизируется в зонах вооруженных конфликтов, оно не обязательно напрямую связано с основным противоречием конфликта и его главными противоборствующими сторонами. Скорее, вооруженный конфликт создает благоприятные условия для распространения и активизации самых разных форм вооруженного насилия, включая локальную борьбу за сферы экономического и политического влияния, а порой и просто за выживание и поддержание элементарного порядка в ситуации полного хаоса и безвластия. Эти тенденции заслуживают пристального внимания в том числе и потому, что способствуют самовоспроизводству вооруженного насилия (в условиях когда оно становится настолько самодостаточным и укорененным в обществе, что не обязательно прекратится даже при условии мирного урегулирования основного противоречия, из-за которого начался вооруженный конфликт). Именно множественность и разнонаправленность форм насилия в современных конфликтах и растущая диверсификация вооруженных игроков частично объясняют, почему так много мирных процессов заканчивается провалом и возобновлением вооруженного насилия.

* * *

Основной мишенью в рамках современных вооруженных конфликтов являются гражданское население. Именно угрозы гуманитарной безопасности стано-

вятся ключевыми вызовами, связанными с преобладающим типом современных конфликтов. Речь идет о внутренних, но часто интернационализированных или имеющих трансграничные аспекты конфликтах. В них, помимо основных комбатантов и главной линии противостояния, переплетено множество иных форм насилия со стороны множества игроков самого разного уровня. Такое положение дел подчеркивает необходимость активизации гуманитарных усилий по защите гражданского населения в зонах современных конфликтов, в том числе беженцев и перемещенных лиц.

Главной причиной направленности вооруженного насилия против гражданских лиц становится сочетание слабости государственной власти (то есть ее слабой функциональности и низкой легитимности) с распространением «альтернативных», негосударственных вооруженных игроков и дальнейшей диверсификацией (фрагментацией) вооруженного потенциала. Потеря государством своей монополии на легитимное насилие – одно из важнейших свидетельств его нефункциональности. Урегулирование современных конфликтов в принципе невозможно без решения задачи восстановления государственной власти, дееспособной и легитимной в глазах международных игроков и местного населения.

Из доступных международному сообществу рычагов наиболее приспособленным к решению этой задачи выступают операции по восстановлению мира (peace-building). В современных условиях потребность в них едва ли не выше, чем необходимость использования военных средств, методов, институтов и возможностей. Международная практика последних лет показывает, что военные методы, включая военную интервенцию, могут быть эффективными в деле развала государственной машины (например в Ираке с 2003 года). Однако они совершенно не приспособлены к задаче восстановления и создания дееспособной государственной власти.

Примечания

¹ См. раздел «Определения» Уппсальской базы данных по конфликтам (http://www.pcr.uu.se/database/definitions_all.htm).

² Harbom L., Wallensteen P. Armed Conflict, 1989–2006 // *Journal of Peace Research*. Vol. 44. № 5. 2007. P. 623.

³ Human Security Report 2005: War and Peace in the 21st Century. New York: Oxford University Press, 2005. P. 26 (<http://www.humansecurityreport.info>).

⁴ Ibid.

⁵ Специальная база данных Уппсальского университета ведет подсчет жертв одностороннего насилия начиная с 25 человек убитыми в год. Подробнее см.: Eck K., Hultman L. One-sided violence against civilians in war: insights from new fatality data // *Journal of Peace Research*. Vol. 44. № 2. March 2007. P. 233–246.

⁶ Эта точка зрения в наиболее радикальном виде представлена, например, в следующих докладах: Human Security Report 2005: War and Peace in the 21st Century. New York: Oxford University Press,

2005. P. 26 (<http://www.humansecurityreport.info>); Human Security Brief 2006. Vancouver: Human Security Centre, University of British Columbia, 2006 (<http://www.humansecuritybrief.info/>).

⁷ По данным норвежского Центра по мониторингу внутренне перемещенных лиц, в декабре 2006 г. в мире было 24,5 млн. внутренне перемещенных лиц (в основном в зонах конфликтов в Судане, Колумбии, Ираке, Уганде и Демократической Республике Конго). Из них 15,6 млн. подвергались серьезной угрозе применения насилия.

⁸ Особенно резкий рост террористической активности наблюдается после 2001 года. По данным Мемориального института по предотвращению терроризма (США) в 2006 г. число терактов в мире достигло 6500 (на 30% больше, чем в 2005 г. и в 3,7 раз больше, чем в 2001 году). Одновременно в 2006 г. число погибших в терактах достигло 12 тыс. человек, превысив соответствующие показатели 2005 г. на 46%, а показатели 2001 г. – в 2,6 раз. При этом 61% всех терактов и 79% всех погибших в терактах в 2006 г. пришлось на конфликт в Ираке. См.: Terrorism Knowledge Database, Memorial Institute for the prevention of Terrorism (MIPT) (<http://www.tkb.org>).